

АННА БАЖЕНОВА

МОСКВА КАК ВТОРОЙ ПЕТЕРБУРГ?

(Н. В. Гоголь. Взгляд на состояние Римской империи в последнее время её существования и на причины, произведшие разрушение её)

Москва обретает европейскую внешность. Банки и офисы, “Макдональдсы” и супермаркеты, как пятна свежей краски на сером холсте, выделяются на фоне старых зданий необшарпанными стенами, блеском и “нетрадиционностью” архитектуры. На всё это, как на плоды рук своих, взирает с высоты исполинского роста чудовищный железный Пётр. Что значит его появление здесь, в Москве, так не любимой им при жизни?

Древнюю Москву, кажется, уподобили, наконец, европейской столице. Наверное, петербургской скоро станет и вся Россия. Но к лучшему ли перемены?

Не случайно великие наши писатели так внимательны были к Петербургу — той схеме, по которой хотел, но не успел или не смог перестроить Россию Пётр. Что значила бы такая перестройка, будь она осуществлена три века назад? Может ли Русь Московская стать Россией Петербургской? Вопрос волновал многих. Пытался осмыслить роль Петрова города в историческом развитии России и Гоголь.

Гоголь не просто исследует жизнь северной столицы — он идёт в глубь веков. Он обращается к образу Рима как прототипу Петербурга, символу вечного города, символу огромного иерархического государства. Следуя за Петербургом, Россия неминуемо повторяет путь Рима.

Гоголь во время своей поездки в Италию вглядывается в современный ему Рим и с трудом узнает столицу могучей когда-то империи. Лишь колоссальные развалины Колизея, да памятники мертвого города, “да мраморная колонна среди вонючего рыбного рынка” (“Рим”) напоминают о славном прошлом столицы мира. Лишенная былого могущества и влияния на мир, Италия выброшена Европой за Пиренеи и забыта, “как старый, ненужный хлам”. Ничего не осталось от былого имперского порядка.

Рим спит, и равнодушному иностранцу, глазеющему на город, заметны лишь нищета да упадок. Хотя под неблестящей уже наружностью ещё таится красота, неброская и потому не сразу заметная.

Гоголь противопоставляет Рим Парижу. Париж оглушает, подавляет впервые попавшего сюда человека, затягивает в своё “кипящее жерло”, ослепляет светом, блеском, роскошью магазинов и обилием золотых букв на улицах, засасывает в поток куда-то спешащей многотысячной толпы. Это то, что осталось от империи Карла Великого.

Но человеку серьёзному скоро становится в Париже скучно. Пусть вокруг — все блага цивилизации, “удобства, расставленные всякому путешественнику, полагающемуся как дома” (“Рим”). Тоскливо будет тому, кто привык к вечной немелочной красоте великих произведений искусства, кто в постоянной болтовне ищет и не может найти никакого смысла. Но именно Па-

риж — “размен и ярмарка Европы” — правит сегодня миром, а Рим с достижениями своей культуры кажется европейцу “затхлым уголком Вселенной”, на который и взглянуть нельзя без улыбки сострадания.

Впрочем, и Рим, каким его видит Гоголь, в свой черёд становится похожим на Париж. И в Риме, как в Париже после Великой Французской революции, нет имперского порядка. Вечным городом овладел карнавал, в безудержном демократическом вихре которого топят горечь и князя, потомки обедневших родов, и простой народ. Государственное устройство, столь выгодное для буржуазного Парижа, свергает аристократический Рим в упадок и нищету.

Когда-то и Рим был столицей могущественного государства. Был... Обратившись ко временам основания империи, Гоголь в своих университетских лекциях прослеживает её исторический путь и ищет причины скорого падения.

После хаоса поздней республики и явился Август — первый римский император, сумевший навести порядок. “...управление такой империей могло быть только в руке одного и с оружием... Это было осуществлено императором Августом. Он ввёл правление совершенно военное... Провёл военные дороги, расставил войска во всех местах империи, завёл четыре флота... и таким образом обрёл империю в самовластное и твёрдое управление”. Начинается период расцвета Рима.

Император Август установил твёрдую власть во всём Римском государстве. Россия три века назад, во избежание новых смут и развала, также нуждалась в самодержавном строгом правлении. И Петербург, олицетворяющий сильное государственное начало, был, конечно, нужен: необузданная народная стихия в буйстве могла погубить самое себя. Божественный Цезарь перестроил весь Рим. Пётр — не смог перестроить всю Россию, и желанный порядок укоренился лишь в Петербурге. В Руси Московской оставался один уклад, в новой столице возник другой.

Подобно голове, отдельной от всего тела, Петербург воспринимал жизнь и своё назначение слишком умозрительно, абстрактно. Москва жила и страдала вместе со всей страной. Впрочем, какова столица, таким, в конце концов будет всё государство.

Гоголь до подробностей изучает жизнь Петербурга. Он обращает внимание не столько на высшие слои общества, сколько на низы, на простолюдинов. Петербург формирует новый и чуждый для России тип людей-горожан: они — маленькие винтики огромного государственного механизма. Акакии Акакиевичи, с молоком матери впитавшие понятие о иерархическом строении общества, о безграничной власти высших над низшими, лишены не только собственных чувств и мыслей, но, кажется, и души. Они не обладают смелостью и смекалкой, робки и несамостоятельны до крайности. Дай Акакию Акакиевичу не просто переписать бумагу, а что-то изменить в ней самому — и тот уже растеряется и ничего не сумеет сделать. Акакии не похожи на русского крестьянина, о котором Пушкин писал: “О его смыслености и говорить нечего... никогда я не встречал между ними то, что... называют un badaud (ротозей), никогда не замечал в них ни грубого удивления, ни невежественного презрения к чужому. Переимчивость их всем известна; проворность и ловкость удивительны...” (“Александр Радищев”).

Вечный чиновник низших классов погружён “в свой, приятный мир букв”, и предоставь ему вдруг свободу в реальном мире, не знал бы, что и делать с ней. Для него невозможны высшие человеческие чувства, и влюбиться в дочку начальника департамента — безумие не меньшее, чем вообразить себя королём испанским. Чиновник безропотно ест суп с мухами и носит на голове волосы, похожие на ключья сена, — в то время как остальной русский народ отличается, по словам Пушкина, “опрятностью, смысленостью и свободой” (“Александр Радищев”).

Но не только чиновники становятся пародией на человека. То же — и люди военные. Человеку в отставке “после всей забубённой жизни и тряски на перекладных остаются одни пошлые привычки”. Под блестящими мундирами скрывается “тусклая неопределённость” (“Портрет”). И хорошо живётся здесь поручикам Пироговым, секрет которых — всегда поступать так, чтоб было “не слишком умно, не слишком смешно, и во всё́м была мелочь” (“Невский проспект”).

И любовь красавицы, и богатство, и даже роскошные чёрные бакенбарды — “... всё, что ни есть лучшего на свете, принадлежит или генералу, или

адъютанту” (“Записки сумасшедшего”). В человеке видят служащего — и только. Нет здесь прирожденной красоты и чувства собственного достоинства, так восхищавших Гоголя, нет и подмеченных Гоголем “замашек сильных народов” (“Рим”).

“Чины в России необходимы хотя бы для того, чтобы получать лошадей на станции”, — справедливо замечал Пушкин. Да, иерархия нужна в любом государстве для соблюдения элементарного порядка. Но в Петербурге всё доведено до крайности, до абсурда. Жизнь похожа на Невский проспект, где за день появляются все чины и сословия, но только в своё, определённое время. Народ распадается, перестаёт быть единым целым. Люди, принадлежащие к разным слоям общества, разобщены. Разъединена и разобщена вся Россия.

Гоголь, с его обостренным эстетическим чувством, готов был, кажется, принять иерархию, если бы при этом в Петербурге сохранялась неискusstвенная, природная, не убитая сухим регламентом красота. Но все поиски живой красоты среди холодного мраморного города оказываются напрасными.

Невский проспект — это украшение столицы — любить нельзя. Он слишком суетлив, слишком внешен. Но на Невском ещё можно дышать, “здесь единственное место, где показываются люди не по необходимости, куда не загоняет их надобность и меркантильный интерес, объемлющий весь Петербург” (“Невский проспект”). Зато неприукрашенные петербургские трущобы уж вовсе отвратительны. Но именно здесь селит Гоголь своих молодых и талантливых служителей Аполлона, призванных отразить красоту окружающего мира. Как живут не подчинившиеся иерархии вольные художники?

Два гоголевских художника (“Портрет” и “Невский проспект”), люди из того класса, “который составляет довольно странное явление и столько же принадлежит к гражданам Петербурга, сколько лицо, являющееся нам в сневидении, принадлежит к существующему миру”. В Петербурге эти художники и выжить не смогли. Один из них, Пискарев, встретил на Невском красавицу. Но эту женщину, “венец творенья”, Петербург превратил в “жалкое, двусмысленное существо”. Художника отравила “безобразная реальность”. Спасения он искал в опиумных грёзах, но в конце концов убил себя. Другой художник, Чертков, погубил свой талант — продал его за деньги. Петербург изуродовал и его жизнь.

В Петровом городе во всём ищут выгоды, и искусство идёт на потребу престолярной или светской черни. И лавка уличного художника — одно из привлекающих толпу зрелищ. Здесь можно встретить лакея, солдата, торговку-охтенку... И каждый восхищается по-своему: кто “тыкает пальцем”, кто “рассматривает серьёзно”, а кто-то “спешит по инстинкту, чтобы послушать, о чём калякает народ” (“Портрет”).

Нечто подобное и в приёмной модного художника, с той лишь разницей, что вместо торговки, любопытных мальчишек да лакеев толпится здесь цвет петербургского общества, и восхищение трафаретными портретами выражается не смехами и тыканьем пальцев, а напыщенными французскими фразами.

Природную красоту, как и талант, меркантильный Петербург стремится подчинить своим законам и без жалости ломает всё, что сопротивляется: над трупом художника поплачет лишь “солдат-сторож, и то только потому, что выпил лишний штоф водки... Гроб его тихо, даже без обрядов религии”, свезут на Охту.

Религия в мёртвом иерархическом государстве ставится отнюдь не на первое место. В древнем Риме, как замечает Гоголь в “Университетских лекциях”, законы были подкреплены оружием — “политеизм обессиленный, давно сокрушённый в своих началах, исполнялся только наружно”. То же — и в Петербурге: религия превращена в не дающий никакой денежной выгоды и потому бесполезный обряд. Православная вера уже не объединяет все сословия и чины. Церковная служба — теперь действие, совсем не нужное Акакиевичам: вера подменена для них мечтами о тёплой шинели, о жирном супе да о партии в вист у приятеля. В церковь ходят люди поважнее, ходят генералы да адъютанты — им положено, да изредка сюда забегают законопослушный нос майора Ковалева, который уж точно создание бездушное, но лезет туда же и “с выражением величайшей набожности молится” (“Нос”).

Неадаптированная, подобно католицизму, к государственному закону вера кажется Гоголю ещё одной из причин развала Римской империи. В тех же “Университетских лекциях” он пишет: “Христианство произвело сильное

внутреннее движение и потрясло многосложный состав империи. Христианство было принято низшим сословием, угнетённым, безответным. Принявшие его имели другие обязанности, другую власть и вовсе отделились от языческого правительства, и таким образом положено было начало разъединению государственных стихий; гонения ещё более усилили это разъединение". В России после Петра сложилась аналогичная ситуация, с той лишь разницей, что не низшие слои общества отделились от высших, приняв христианство, а впадшая, по сути, в неоязычество петербургская верхушка стала чуждой православному русскому народу.

Неверующие петербуржцы забывают о совести. Злодей-цирюльник, отравивши нос у майора Ковалева, не раскаивается в своём проступке и не думает о состоянии несчастной жертвы. Помыслы его занимает только вездесущий полицейский и неминуемое наказание ("Нос").

Гоголь писал о римлянах: "Самая нелепость правительственных постановлений, эта бессвязная куча всяких законов – всё это не искоренило высокого чувства справедливости в народе" ("Рим"). В Петербурге железные законы чувство справедливости в народе всё же искореняли. Народ, "запуганный и забитый", привыкал беспрекословно подчиняться властям. Вера подменялась светской идеологией, высшим судом для горожан-акакиев становился полицейский. И добра уже не отличали от зла.

Под влиянием Петербурга и весь русский народ превращался в смиренных исполнителей воли вышестоящих. Люди теряли историческую память и культуру. Народ утрачивал присущее ему чувство справедливости и уподоблялся послушному стаду, которое всякий пастух гонит, куда захочет. Но всякий ли пастырь заботится о своем стаде?

Период расцвета в Риме был кратким. После смерти Августа ослабляется железная узда, сдерживающая огромное государство. "Недостаток душевной твердости последующих кесарей, оглушённых приливом роскоши и страшного изобилия империи, их серальная жизнь была причиной того, что образ правления Августа превратился в деспотизм". Гвардия – "начальники преторианского войска" – "увидели наконец, что имеют власть возводить и свергать императоров". Не так ли после сурового правления Петра порядок постепенно сменяется новым хаосом? В России, как когда-то и в Риме, начинаются дворцовые перевороты. "Императоры льстят войску и усыпляют чернь зрелищами и раздачею денег. Отсюда ввелась в Риме ужасная праздность, искоренившая все правила в народе. Правители богатых провинций думали только о своём обогащении, эгоизм сделался всеобщим, жизнь эпикурейская стала выражением всего общества" ("Университетские лекции").

Рим – вторая Троя – перенял, купил, завоевал красоты и роскошь Востока, которые стали одной из причин тления империи. Для народа, "выросшего с оружием в руках", богатство и наслаждения оказались ядом. Духовно невызревшие римляне не умели управлять своими страстями – и "жажда к наслаждениям настоящим, начиная от двора до низших сословий", была безгранична. Порядок сменился карнавалом.

Гоголь тянулся к природе как эстет, но понимал, что страстная стихия с её вечным стремлением к хаосу не способна создать сильное государство. Не принимал он и сухого рационального закона, с которым несовместима живая красота. Рацио и чувства, порядок и любовь были для него в вечном противоречии. Он искал и не мог найти третьей силы, примиряющей, объединяющей рациональное и эстетическое начала. Он не мог найти этой силы и в вере. Почему?

Эстет-Гоголь поклонялся всё-таки красоте земной. Двух красавиц – петербургскую и римскую – называл он божествами, и это для него не просто метафора. "Краса природы, совершенство, красота полная – в этом и заключался весь мир, весь рай, всё богатство" его. "Духовное наслаждение", когда он "переносился во внутренность церквей", – было всего лишь любованием красотою архитектуры ("Рим"). Петербуржцу свойствен рациональный взгляд на мир. Гоголь весь мир воспринимал через чувство прекрасного. И не принимая рационально-уродливой петербургской действительности, он был в силу своего эстетизма всё-таки духовно отдалён и от народа. Древняя православная Русь Московская так и не была им постигнута.

Послепетровская Россия неминуемо должна была повторить путь Рима, в котором суровый порядок вечно чередовался с парижской вольностью. Гоголь понимал это и рационального выхода найти не мог, но чувствовал возмож-

ность спасения в православном русском народе. Надеялся на него. “Европейское просвещение как будто с умыслом не коснулось его (народа) и не водрузило в грудь ему своего холодного усовершенствования. Самое духовное правительство, этот странный уцелевший призрак минувших времён, осталось как будто для того, чтобы сохранить народ от постороннего влияния, чтобы никто из честолюбивых соседей не посягнул на его личность, чтобы до времени таилась его гордая народность”.

У нас прорубленное Петром окно не закрывалось на протяжении веков. “Сохранить народ от постороннего влияния” было трудно. Сегодня последователи Петра рушат последнее, что отделяет нас от Европы, – “стены” культурные и нравственные. Гоголь писал о римском народе: “. . . его не могли сокрушить даже наезды иностранцев, развратителей недействующих наций” (“Рим”). Оказывается, могли. На что нам надеяться?..

ПРИМЕЧАНИЯ

Гоголь Н. В. Взгляд на состояние Римской империи в последнее время её существования и на причины, производшие разрушение её. <Из университетских лекций по истории средних веков>. // Гоголь Н. В. Собр. соч. в девяти томах. М., “Русская книга”, 1994. Т. 8. С. 88.

Все известные произведения Н. В. Гоголя в статье цитируются по указанному изданию.